

А
Константин Михайлович Станюкович

Исайка

"Морские рассказы"

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года publ.lib.ru

"К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 1": Издательство "Художественная литература"; Москва; 1988

Константин Михайлович Станюкович

Исайка

I

Не только господа офицеры и баковая аристократия, но и все матросы звали этого тщедушного на вид, маленького, бледнолицего человека с типичным еврейским крючковатым носом, тонкими губами и серьезным и в то же время несколько пугливым взглядом больших, необыкновенно кротких черных глаз -- не по фамилии, как обыкновенно водится, а уменьшительным именем Исайки. Другой клички ему не было, хотя Исайке уже минуло сорок и он был старым матросом, отслужившим шестнадцать лет, из обязательных в прежние времена двадцати пяти лет, в звании корабельного парусника, то есть мастерового, шившего и чинившего паруса.

Исайка давно привык к этой кличке. Он получил ее вслед за тем, как, бледный как смерть, тонкий, как спичка, в засаленном, рваном лапсердаке и в пейсах, явился, в числе других, в рекрутское присутствие, заседавшее в одном из городов Северо-Западного края, и, несмотря на свою узкую грудь и малый рост, на которые он так надеялся, услышал роковое: "Люб". Как ни рыдала мать и как ни кланялся в ноги военному доктору отец, Исайку "забрили". Забрили и почему-то назначили во флот (вероятно, вследствие малого роста) и вскоре отправили с партией в Кронштадт. Во флотском экипаже, куда попал Исайка, его с первого же дня стали называть не по фамилии, а Исайкой.

Так с тех пор он и остался на всю жизнь Исайкой.

"Не в кличке дело, а в том, чтобы на службе не били и не наказывали линьками и розгами!" -- рассуждал про себя Исайка и нисколько не обижался, что его зовут не так, как русских, тем более что отношение к нему матросов было превосходное и не лишенное даже некоторой почтительности. Решительно все, не исключая боцманов и унтер-офицеров, уважали Исайку, как вполне "правильного" человека, честного, тихого и усердного работягу в своем деле, и притом "башковатого" и с "большим понятием", умевшего, при случае, объяснить то, чего никто другой на корабле не мог. А Исайка, по словам матросов, "все мог". И говорил он так убедительно и красноречиво, что его с удовольствием слушали, несмотря на еврейский акцент. Исайка, поступив на службу, сам выучился грамоте и читал не одни еврейские книги, а и русские. Он любил "заняться книжкой", что в те времена было редкостью среди матросов, в огромном большинстве безграмотных, и охотно беседовал о прочитанном.

Это-то и давало ему авторитет "ученого" человека, которым он умело пользовался.

Репутация Исайки давно установилась в экипаже, в котором он служил со дня поступления в матросы, и ни одно пятно не омрачило этой заслуженной репутации.

Правда, некоторые из матросов находили, что хотя Исайка и хороший человек, но все-таки "жид" и как-никак, а до известной степени виноват в том, что Иуда предал Спасителя за тридцать серебряников и что предки Исайки, хотя и отдаленные, распяли Христа. Однако личные качества Исайки, не